

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. **НОВЫЙ** САТИРИКОНЪ II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 42

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1914
16 ОКТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

Б Е Л Ъ Г І Я.

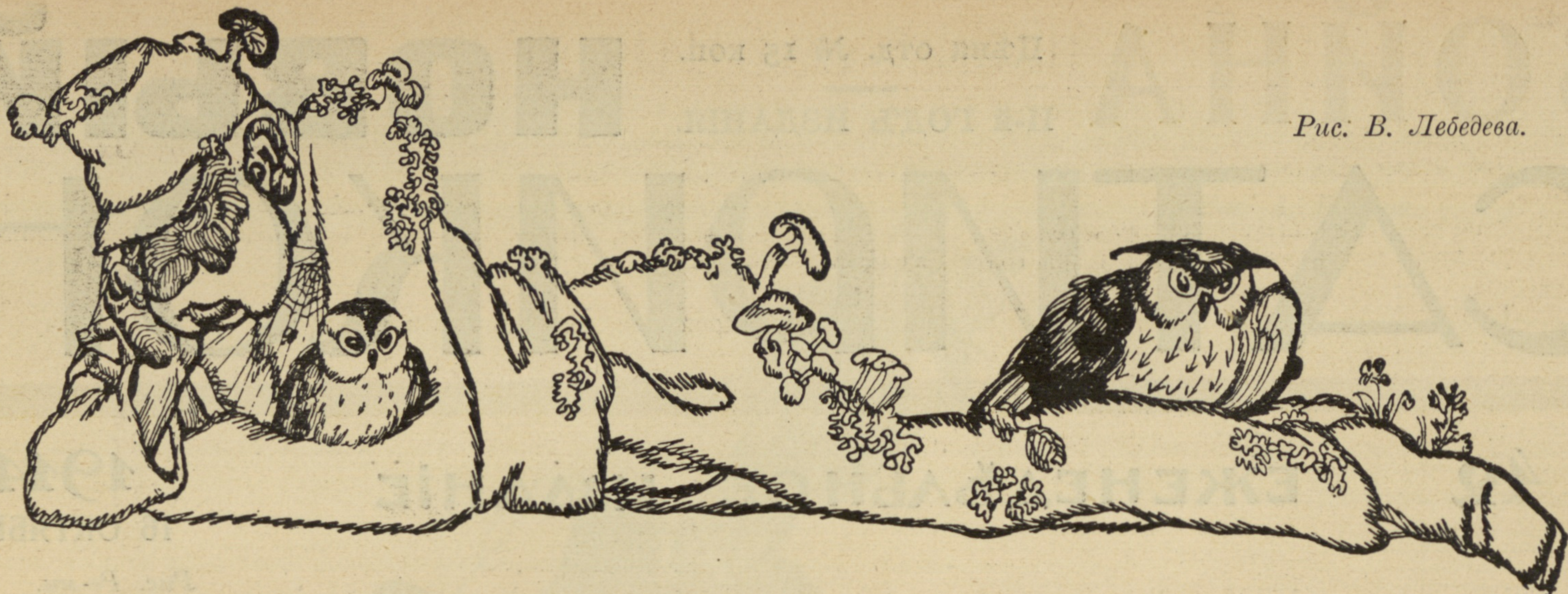
Вильгельмъ II объявилъ о присоединеніи
Бельгіи къ Германіи.

Вильгельмъ: — Вотъ тебѣ подарочекъ, дорогая Германія!..

— ?!!!

— Почему ты такъ испугалась? Боишься замарать платье? Не бойся: я ее давно обезкровиль.

ТРИЗНА БОЛЬШИХЪ ПОХОРОНЪ.

(Покушеніе на Лермонтова.)

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ Терека волны бѣгутъ,
Старинная башня стояла...
А, можетъ быть, — все это врутъ.

Но вотъ, что я знаю навѣрно —
Молва здѣсь соврать не могла бѣ:
Былъ домъ съ репутаціей скверной
И жалобной вывѣской: «Штабъ».

При главной австрійской квартирѣ
Тотъ домъ для чего-то стоялъ;
Въ немъ жилъ — и въ довольствѣ, и въ мирѣ —
Какой-то хромой генераль.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ золотой огонекъ,
Бросался онъ путнику въ очи —
И путникъ бѣжалъ наутекъ.

И слышался голосъ унылый:
— Желаете правду узнать?...
Кого-то желанье прельстило:
— А мнѣ что... Пойду... Наплевать...

Въ солидно обставленномъ залѣ,
Въ парадную форму одѣтъ,
Сидѣлъ генераль — и стояли
Сотрудники вѣнскихъ газетъ.

Всѣ были въ ужасномъ азартѣ,
Кто съ книжкой, кто просто съ листомъ,
И самъ генераль имъ на картѣ
Показывалъ что-то перстомъ.

— ...Здѣсь встрѣтили мы ихъ съ отвагой...
— Здѣсь русскіе сброшены въ ровъ...
— Здѣсь... Гм... — прикрывалъ онъ бумагой
То мѣсто, гдѣ значился Львовъ.

— Здѣсь русскіе будутъ напрасно
Пугать — не боимся атакъ...
— Здѣсь смертью погибли ужасной
Двѣ сотни... пфуй! — этихъ... казаковъ...

Во всѣ генеральскія мысли
Впивались газеты врасосъ...
И уши у путника висли,
И бѣгалъ по кожѣ морозъ...

Хотѣлъ бы онъ выпрыгнуть смѣло,
Но зналъ, что настанетъ чередъ —
Его бездыханное тѣло
Домой часовой унесетъ.

И тихо покойничекъ ляжетъ,
Какъ пень у крыльца своего...

И мать престарѣлая скажетъ:
— Навѣрно, заврала его...

Арк. Буховъ.

СТРАШНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Страшный человѣкъ — это я.

Въ двухъ километрахъ отъ малюсенькаго нѣмецкаго городка, мѣста моего будущаго жительства, — конвоирующий меня офицеръ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Подавая мнѣ пятифенниговую сигару, онъ похлопалъ меня по плечу и заискивающе спросилъ:

— Скажите мнѣ, другъ мой, доставилъ ли я вамъ за всю дорогу хотя бы маленькую непріятность?

Я немного подумалъ, вспомнилъ кое-что и откровенно солгалъ:

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, непріятностей не было.

— Хорошо. Скажите мнѣ еще, ударилъ ли я васъ хотя бы одинъ разъ?

— Нѣтъ, не ударили.

— Пропустилъ ли я хоть разъ накормить васъ во время?

И въ третій разъ я отрекся отъ себя:

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, не пропустили.

— Скажите же теперь откровенно: достоинъ я награды?

— При встрѣчѣ съ вашимъ генераломъ, — успокоилъ я офицера, — я выпрошу для васъ орденъ.

— Не то. Орденъ само собою. Я хочу, чтобы вы въ благодарность сдѣлались... казакомъ...

Я грустно улыбнулся.

— Какой же я казакъ? Дунуть на меня — и ничего не останется.

— Но я везу васъ не въ Берлинъ, а въ Энъ. Правительство обѣщало энцамъ партію плѣнныхъ казаковъ, энцы вѣрятъ правительству. Наконецъ, награда мнѣ за доставку казака совсѣмъ другая, чѣмъ за простого солдата. Тамъ геройство, а здѣсь — долгъ.

— Это еще доводъ. Ладно, я казакъ.

Офицеръ благодарно пожалъ мою руку.

Шелъ допросъ.

— Вы самый настоящій донской казакъ?

— Самый настоящій.

— Гдѣ взять въ плѣнъ?

— Въ Восточной Пруссіи.

— Не слышу.

— Онъ хочетъ сказать, — восточнѣе Москвы.

— Развѣ мы взяли Москву? Слушайте, казакъ, мы взяли Москву?

Конвоирующий меня офицеръ многозначительно приложилъ палецъ къ губамъ.

— Вы взяли четыре Москвы. Одна — прачешная.

— И съ прачешной Москвы можно взять контрибуцію. Гдѣ сейчасъ русскіе?

— Ихъ уже совсѣмъ нѣтъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двѣсти тридцать.

— Живучи эти казаки! А все оттого, что человѣчиной питаются. Вы, казакъ, ѣдите человѣческое мясо?

— Ымъ.

— Чѣмъ приправляете?

— Глупостью.

— (Съ философскимъ отгѣнкомъ:) Глупостью приправлять кушанья нельзя.

— Спросите моего повара.

— Снимите рубашку!

Всеобщее негодование:

— Гдѣ же ваша заросшая густыми волосами грудь и спина?

— Я сбриль волосы.
— Это подло. Волосы составляют собственность правительства.
— Я не хочу обогащать ваше правительство.
— Вы поплатитесь за это, как за растрату казенного имущества.

— Троньте только!
— Покажите вашъ клыкъ.
Сильное движеніе въ сторону отъ меня.
За меня отвѣчаетъ мой конвойный:
— Этотъ казакъ проигралъ свой клыкъ въ карты.
— Жаль. Покажите тогда пику. Только издали. Идите лучше въ другую комнату, а мы посмотримъ пику въ замочную скважину.

Мой конвойный положительно незамѣнимый человѣкъ. Только наступаетъ критическая минута — онъ тутъ-какъ-тутъ:

— Пика погибла въ бою. Она защищалась, какъ левъ. Но и я не трусь. Молниеносный натискъ, и пика погибла, хотя это и стоило мнѣ трехъ сотенъ солдатъ.

— Какъ вы смѣли убить триста солдатъ? Вы звѣрь, а не казакъ!

— А зачѣмъ они пику тронули? Я предупреждалъ.
— Чѣмъ же мы будемъ кормить этого звѣря? Слушайте, казакъ, чѣмъ васъ кормить?
— Человѣчиной.

Полсотни глазъ смотрятъ на меня.

— Это... не... возможно...

— Какъ это невозможно? — злорадствую я. — Вы развѣ этого не знали? Вы развѣ не спрашивали, чѣмъ я приправляю человѣчину? Подать мнѣ на завтракъ вотъ того купца!.. Вотъ, вотъ того, что подъ столъ прячется!

— Надѣньте на этого людоеда цѣпи! Что же это такое? У меня поставка на армію, у меня дѣти, а онъ кушать меня хочетъ!

На моихъ рукахъ и ногахъ цѣпи. Я сижу въ маленькой комнаткѣ и читаю не то «Zeitung», не то «Blatt». На второй страницѣ помѣщенъ портретъ толстаго купца и подъ нимъ подпись:

«Къ покушенію на жизнь маститаго коммерціи совѣтника Брауна».

Дальше жуткій разсказъ о свирѣпомъ, обросшемъ шерстью казакѣ, потребовавшемъ на завтракъ форшмакъ изъ мяса совѣтника. Кончается разсказъ рядомъ восклицаній:

— Будь покоенъ, городъ Энъ! Будь покоенъ, славный коммерціи совѣтникъ Браунъ! Дикій звѣрь сидитъ на цѣпи въ клѣткѣ и питается сырымъ бычачьимъ мясомъ.

Я опускаю глаза ниже: «Интервью съ русскимъ казакомъ-людоедомъ».

— «Вчера мы посѣтили плѣннаго казака. Мы застали его въ ту минуту, когда онъ глодалъ собственную руку. Принялъ насъ самоудѣлъ любезно. Предложилъ закусить его пальцемъ, но мы рѣшительно отказались».

— Скажите, — спросили мы, — почему вы выбрали именно совѣтника Брауна?

— А зачѣмъ онъ крадетъ на поставкахъ въ армію?

— Но вы же этого не знаете.

— Разъ поставщикъ, значитъ, — крадетъ.

— Но на армію поставяетъ и совѣтникъ Рейнеке.

— Рейнеке слишкомъ худъ. Когда наберется жиру, попробуемъ и его.

Еще ниже двѣ хроникерскія замѣтки. Первая: «Совѣтникъ Браунъ спѣшно покинулъ Энъ».

— Да, изъ тюрьмы. Зачѣмъ вы при допросѣ сказали, что желаете съѣсть Брауна?

— Надо быть идиотомъ...

— Дѣло не въ этомъ. Какъ-никакъ, а Брауна вы испугали. Затѣмъ это интервью. Человѣкъ окончательно потерялъ голову. А вдругъ — правда, вы вырветесь изъ тюрьмы и начнете ѣсть поставщиковъ на армію? А когда Браунъ уѣхалъ, потянулись и другіе. Вы выкурили всѣхъ совѣтниковъ, а теперь принялись за пасторовъ? Это надо прекратить.

Онъ положилъ на столъ свернутый листъ бумаги.

— Съ этимъ документомъ вы спокойно добѣдете до границы. Сегодня ночью мы симулируемъ вашъ побѣгъ. Убирайтесь вы отъ насъ и, ради Бога, никогда не попадайтесь!!

но покинулъ Энъ». И вторая: «Совѣтникъ Рейнеке спѣшно покинулъ Энъ».

И еще ниже: «Въ городѣ паника. Всѣ занимающіеся поставкой на армію совѣтники въ ближайшемъ будущемъ покидаютъ Энъ».

Дрожащая рука просовываетъ мнѣ въ окошечко обѣдъ.

— Эй вы, — кричу я, — чье мясо?

— Б... б... б... рауна... — доносится до меня шопотъ.

— Ну, то-то!

И я начинаю ѣсть отлично изжаренную курицу. Мой слухъ улавливаетъ два голоса:

— Повѣрилъ?

— Кажется, повѣрилъ! Дай-то Богъ!

Покончивъ съ курицей, я поднимаю крикъ:

— Мерзавцы! Обманщики! На кой чортъ мнѣ нужна курица, если я требовалъ Брауна? Камня на камнѣ не оставлю! Стѣны выворочу!

Стѣны моей тюрьмы обложили тройнымъ рядомъ кирпичей. Противъ закрытаго тяжелой рѣшеткой окна стоитъ огромная пушка.

— Газету мнѣ, — реву я. — Подать газету!

Издали кто-то шепчетъ:

— Газету нельзя дать. Газета больше не выходитъ. Издатель тоже занимается поставками на армію...

— Вотъ, какъ! Удирать! Подать мнѣ списокъ всѣхъ совѣтниковъ! Я вамъ покажу!

— Если вы повторите это требованіе, мы выстрѣлимъ въ васъ изъ пушки!

Дѣйствительно, черезъ минуту около пушки завожилась кучка людей.

Я выбросилъ бѣлый флагъ.

Я чувствую, что прибавляюсь въ вѣсѣ. Иногда къ окошечку подходитъ пасторъ и долго читаетъ мнѣ лекцію о пользѣ вегетаріанства.

— Во мнѣ семь пудовъ, — говоритъ онъ, — а все отъ того, что никого не ѣмъ.

Когда лекторъ начинаетъ надоедать, я кричу:

— Подожди, такой-сякой! Покончу съ совѣтниками, примусь за пасторовъ!

Лекція сразу же прекращается.

Гулять мнѣ не позволяютъ. Очевидно, на пушку плохая надежда.

Сегодня съѣлъ послѣдняго совѣтника. Прибирая тарелку съ остатками телятины, кто-то невидимый, стоящій за дверью, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Совѣтниковъ больше нѣтъ.

И совсѣмъ тихо прибавилъ:

— Зачѣмъ вы напугали нашего добраго пастора! Бѣдняжкѣ пришлось бѣжать съ насиженного гнѣзда! Это при его комплекции.

И въ первый разъ я чистосердечно высказался:

— Идиоты!

Ко мнѣ пришелъ офицеръ, мой бывшій конвойный. Послѣ долгаго молчанія, онъ сказалъ:

— Слушайте, такъ дальше нельзя. Вы перевернули вверхъ дномъ весь городъ.

— Изъ тюрьмы-то?

Рис.
К. Кузнецова.

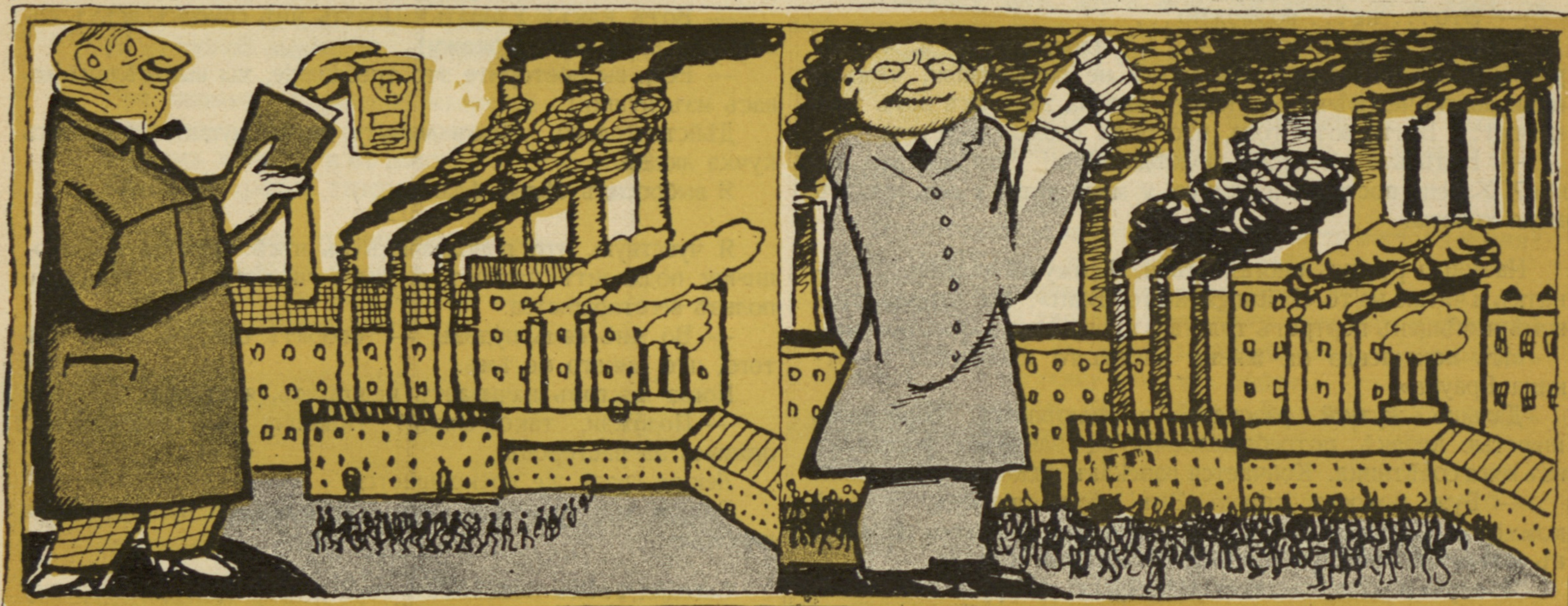
Евграфъ Дольскій.

1) Герр Миллеръ, увидавъ у своего сосѣда огромную краюху хлѣба, захотѣлъ добыть ее. Выдумалъ онъ необыкновенную фляжку. Вода въ ней сама стерилизуется, разогрѣвается, вкусъ чудный приобретаетъ. Десять лѣтъ работалъ. Построилъ фабрику. Процвѣтаетъ промышленность.

2) Герръ Шнапсъ выдумалъ для этой необыкновенной фляжки фугляръ. Мыть его не надо — самъ моется и никогда не изнашивается. Работалъ 5 лѣтъ. Построилъ фабрику для него. Еще больше процвѣтаетъ промышленность.

3) Герръ Штоль сталъ афиши и этикетки для этой кружки дѣлать. Рекламирывать нѣмецкій гений. Еще фабрикъ настроилъ, — промышленность все развивается. Всѣ ждутъ, когда сосѣдъ краюшку на фляжку будетъ мѣнять.

4) Герръ Шмитъ для этой фляжки необыкновенный порошокъ выдумалъ: достаточно разъ всыпать порошокъ внутрь — и навѣки кружка можетъ лампу замѣнять. — 15 лѣтъ работалъ. И всего 10 пфениговъ стоитъ. Заработало еще нѣсколько фабрикъ.

5) Миллеръ, Шнапсъ, Штоль и Шмитъ ждутъ — не дождутся, — когда же сосѣдъ ихъ краюшку на ихъ фляжку будетъ мѣнять? А сосѣдъ нагнулся, зачерпнулъ ладонью воды и говорить: — Не нужна мнѣ ваша кружка — еще потеряешь. Вещь не дешевая... Вода же у меня и такъ чистая и ея предостаточно. А краюшку я съѣмъ, а вы свою кружку ѣшьте! И поникли головой Миллеръ, Шнапсъ, Штоль и Шмитъ, и заглохла промышленность. Одно имъ осталось выдумать: такой желудокъ, который бы никелевые кружки переваривалъ.

Я З В А.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

По узкимъ проселочнымъ дорогамъ, по широкому шоссе, по желѣзнодорожнымъ сообщеніямъ, по большимъ городамъ, по шумнымъ улицамъ, по залитымъ свѣтомъ театрамъ, по притихшимъ ресторанамъ, по мирнымъ семейнымъ столовымъ и гостинымъ — бродятъ они.

Бродятъ, имѣя одну общую физиономію — исковерканную тоской, смѣсью ужаса и хитрости, смѣсью таинственности и многозначительности.

Нѣкоторые съ ними обращаются довольно сурово:

— Врете вы все.

— Я вру? Спасибо вамъ! О, какъ бы я хотѣлъ, чтобы это было ложью! Но нѣтъ... Я имѣю самыя вѣрныя свѣдѣнія, что это правда.

— Что правда?!

— Да что наши дѣла на восточномъ театрѣ войны не совсѣмъ тово...

— Именно?

— Нѣмцы уже продвинулись до Мышекишекъ...

— Какія такія Мышекишки?

— Мѣсто такое есть: Мышекишки.

— Гдѣ?

— Ну, ужъ тамъ не знаю гдѣ — у меня карты съ собой нѣтъ, а ужъ вы мнѣ повѣрьте: нѣмцы уже подъ Мышекишками.

— Почему же штабъ ничего не сообщаетъ?

— Не знаю, почему, но мнѣ сказалъ Иванъ Захарычъ.

— Офицеръ генеральнаго штаба?

— Нѣтъ, мой парикмахеръ. Но онъ имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія. Видите ли, онъ бреетъ также и бакалейщика Поскудова, а денщикъ генерала Z закупаешь у Поскудова провизию. Вы понимаете?

Значительно прищуренный глазъ. Лицо убѣжденное, тупо-увѣренное въ правотѣ. Оно говоритъ: «вотъ, братъ, я какой; стою у самаго источника сенсационныхъ свѣдѣній. Иванъ Захарычъ съ Поскудовымъ врать не будутъ».

— Послушайте... А если Поскудовъ вретъ?

— Поскудовъ? Нѣтъ-съ. Поскудовъ не вретъ! Зачѣмъ ему врать? Поскудовъ зря врать не будетъ. Не такой это человѣкъ, Поскудовъ, чтобы врать. Отца родного зарѣжетъ, а не совретъ.

— Ну, денщикъ совралъ.

— Послушайте: ну, какъ денщикъ можетъ соврать? И скажетъ же человѣкъ такое, право.

Распространителю печальныхъ свѣдѣній, очевидно, смертельно жаль разстаться съ такъ хорошо налаженнымъ печальнымъ сообщеніемъ, что нѣмцы продвинулись до Мышекишекъ. Онъ выносилъ въ себѣ это печальное свѣдѣніе, взростилъ и безъ боя его не отдастъ.

Ну, что ему такое эти Мышекишки? Никогда онъ тамъ не былъ, на картѣ этого мѣста найти не можетъ, а если бы и нашелъ, такъ вѣдь онъ же, каналья, не знаетъ: можетъ быть, русскіе этотъ пунктъ и не хотѣли защищать? Можетъ быть, у генераловъ были свои расчеты; можетъ быть, нѣсколько умныхъ талантливыхъ генераловъ, сидя дождливымъ осеннимъ вечеромъ въ мокрой палаткѣ вокругъ разложеннаго на ящикѣ изъ-подъ макаронъ плана, сказали другъ другу: «А давайте, господа, нарочно отступимъ отъ Мышекишекъ, чтобы заманить непріятеля къ Пильвишкамъ»... И можетъ быть, всѣ согласились съ такимъ замысловатымъ планомъ,—и вотъ уже черныя тѣни заколебались на освѣщенной парусинѣ палатки, и вотъ уже нѣсколько ординарцевъ, звучно шлепая по размокшей землѣ, поскакали по разнымъ направленіямъ съ приказомъ отступать на Пильвишки; да можетъ быть, и такъ, что Мышекишекъ никакихъ и нѣтъ, и денщикъ генерала Z не прочь прилгнуть, чтобы получить у Поскудова даровую папироску, да и самъ парикмахеръ Иванъ Захарычъ едва ли толкомъ донесъ — не расплескавъ наполовину, — полученное имъ извѣстіе.

Кажется — что такое Мышекишки, когда миллионы бьются на доброй трети земного шара?

Но нѣтъ: жалко распространителю печальныхъ свѣдѣній

разстаться со своими Мышекишками и носится онъ съ ними до тѣхъ поръ, пока ужъ и нѣмцы давно отброшены, изрядно передъ этимъ поколоченные.

Встрѣчаешь распространителя печальныхъ свѣдѣній. Говоришь ему:

— Вотъ вамъ и Мышекишки! Наши-то отбросили нѣмцевъ на всѣхъ пунктахъ.

Горькая улыбка освѣщаетъ многозначительное, кое-что знающее, чего никто не знаетъ — лицо.

— Такъ-съ, такъ-съ. Мы, вы говорите, отбросили нѣмцевъ? И гдѣ же это?

Противная морда. Самодовольная.

— Да что вы спрашиваете? Сообщение генеральнаго штаба не читали, что ли?

Хитрость, иронія брызжетъ изъ глазъ его.

— Вотъ оно что!.. Генеральный штабъ сообщаетъ? А мнѣ, представьте, Иванъ Захарычъ говорилъ другое. Знаете ли вы, что два батальона попали на фугасы...

— Да откуда онъ знаетъ это, чортъ его подери? — не выдерживаетъ спокойный слушатель.

— Иванъ Захарычъ-то?

— Да!

— Парикмахеръ-то?

— Да!!!

Дежурное многозначительное выраженіе появляется на лицѣ распространителя печальныхъ свѣдѣній.

— Онъ, видите ли бреетъ Поскудова... и... вы, конечно, сами понимаете.

— Ну? Не понимаю!!

— А у Поскудова забираетъ всю бакалею и москатель генеральскій денщикъ Z.

— Да почему же ты, скверная этакая, изѣденная хронической печалью, каналья, не вѣришь моему генеральному штабу, а я долженъ вѣрить твоему парикмахеру Ивану Захарычу?!

Эта фраза, къ сожалѣнію, говорится болѣе смягченно и, потому, особеннаго вліянія на распространителя не оказываетъ.

Онъ сидитъ печальный, погруженный въ глубокую задумчивость.

Вздыхаетъ. Съ тоской во взорѣ говоритъ:

— И на французскомъ театрѣ дѣла совсѣмъ, совсѣмъ швахъ. Нѣмцы уже отступили за Монтраше.

— За какое Монтраше?

— Такое есть Монтраше. Стратегическій пунктъ.

— Но вѣдь нѣмцы же отступили?

— Нѣмцы.

— Почему же вы говорите, что дѣла плохи у французъ?!

— А откуда вы знаете — почему нѣмцы отступили? Можетъ, у нихъ былъ такой расчетъ, послѣ котораго они отъ Франціи камня на камень не оставятъ.

— Однако, французскія и англійскія газеты сообщаютъ, что положеніе союзниковъ превосходно.

— Ну, что тамъ ваши газеты...

— А вы откуда знаете насчетъ Монтраше?!

— А какъ же! Иванъ Захарычъ говорилъ.

— Послушайте, вы! Размазня треклятая. Еще когда вы говорили о денщикѣ генерала Z — я не спорилъ. Но откуда Ивану Захарычу извѣстно положеніе на французскомъ фронтѣ? Что онъ, дядя Жоффра? Племянникъ лорда Китченера, вашъ Иванъ Захарычъ? Отвѣчайте вы, гнилая улитка!!

Къ глубочайшему сожалѣнію, вышеизложенные вопросы поставлены распространителю въ болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ.

— Иванъ Захарычъ насчетъ Монтраше знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Тутъ, въ одной технической конторѣ французъ служить, такъ онъ его бреетъ. А тотъ, конечно, изъ посольства имѣетъ всѣ свѣдѣнія...

* * *

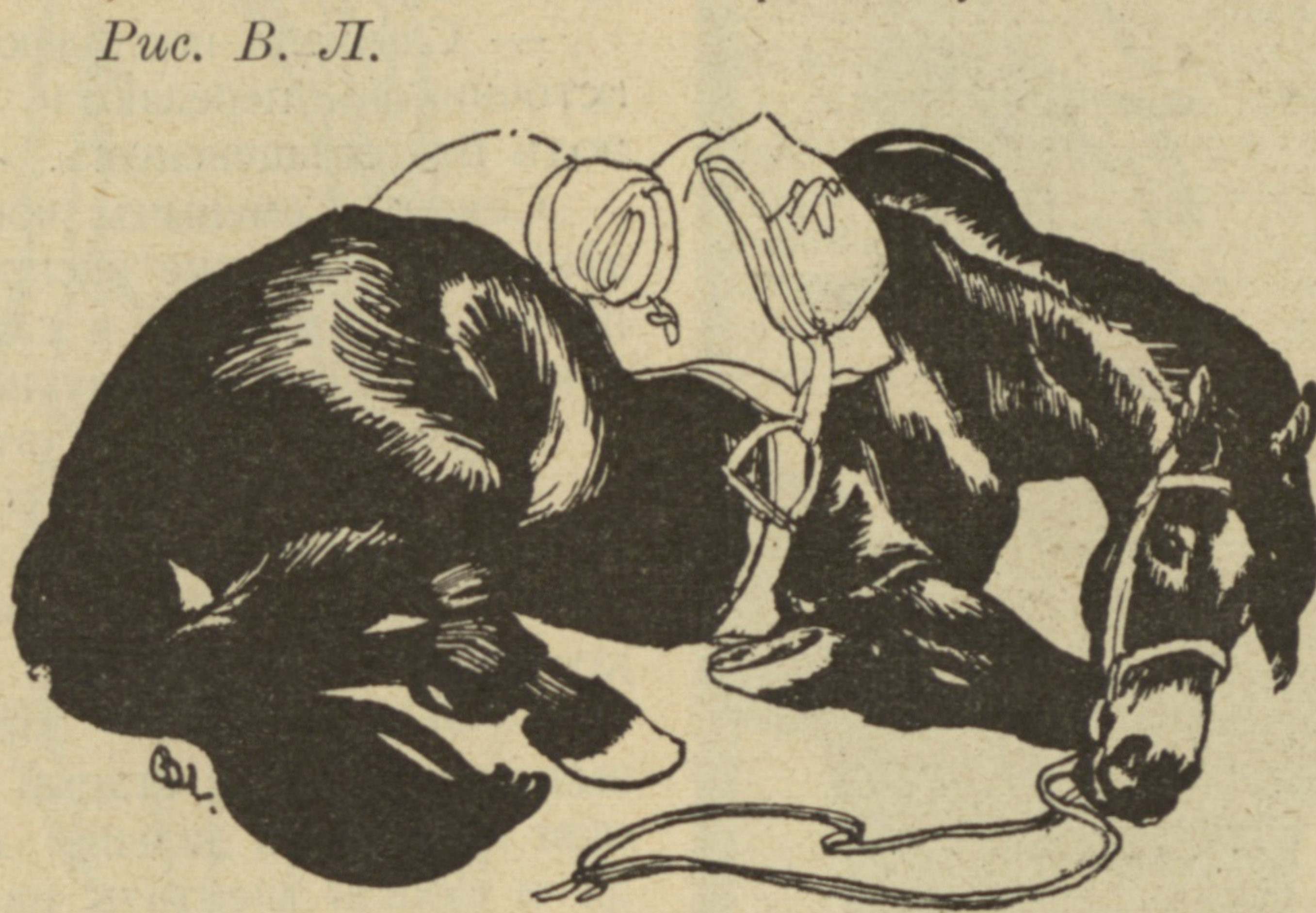

Рис. В. Л.

Однажды я, выслушавъ отъ распространителя печальныхъ вѣстей сообщеніе о звѣрствахъ нѣмцевъ въ Смоленскѣ, сказалъ ему:

— А вотъ я вамъ тоже сообщу новость изъ вѣрныхъ источниковъ. Печальная новость: нѣмцы навели понтоны на Иртышъ, перешли его и двигаются уже на Благовѣщенскъ.

Рис. А. Радакова.

ГРИМАСЫ ВОЙНЫ.

Одинъ изъ сыновей Вильгельма Генцоллерна убитъ германской пулей.

Вильгельмъ (захлебываясь): — Ага! Вѣдь я же говорилъ, что „Германія надъ всѣмъ“!... Все изъ Германіи! Если принцъ и убитъ, то это не обидно: пуля наша же, нѣмецкая!!

— Ну, вотъ! Я давно боялся этого, — обрадовался распространитель. — Что теперь только будетъ! Что будетъ! Вы откуда имѣете это свѣдѣніе?

— Мой портной, который бреетъ меня, покупаетъ весь желѣзный товаръ у родственника хутухты. Ну, вы, конечно, понимаете...

— Еще бы! Какой ужасъ, какой ужасъ! Семень Семенычъ!

Проходившій мимо Семень Семенычъ остановился.

— Ну?

— Слышали послѣднюю новость? Изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ передаютъ, что Иртышъ взять и нѣмцы уже подъ Благовѣщенскомъ.

Семень Семенычъ, чрезвычайно польщенный этимъ свѣдѣніемъ (онъ тоже распространитель печальныхъ свѣдѣній), полетѣлъ дальше, а я схватилъ своего распространителя за руку и прошипѣлъ ему на ухо:

— Зачѣмъ вы ему это сказали?

— Вѣдь вы же мнѣ сообщили...

— А зачѣмъ вы мнѣ повѣрили?!!

— Ну, зачѣмъ же вамъ врать. Тѣмъ болѣе, хутухта... который... портной...

— Я совралъ!! — заревѣлъ я. — Сію секунду только и выдумалъ!! А вы, старый подлецъ, тухлая курица, уже и пошли передавать дальше! Исказили лицо по своему шаблону, да и пошли шептать на ухо!! Генеральный штабъ сообщаетъ, что мы ведемъ по всей линіи наступленіе...

— А Иванъ Захарычъ...

— ... Что на западномъ фронтѣ нѣмцевъ тѣснить...

— А у Поскудова говорили, что...

— ... Нѣмцы зимней кампаніи не дотянутъ!!!

— А у Поск... Ой, пустите, рука... больно!! Медвѣдь...

* * *

Отдышавшись, эта освѣдомленная гадина сказала:

— Единственное, что меня утѣшаетъ — такъ это, что у нѣмцевъ самая большія пушки — восемнадцатидюймовая. Это вѣдь, кажется, не больше аршина длины? Ну, что они такими игрушечными оружіями сдѣлаютъ. Да у моего Кольки пушчонка чуть не аршинъ длины. Такое орудіе любой нашъ солдатъ возьметъ подмышку и убѣжитъ. Иванъ Захарычъ очень раскритиковалъ эти орудія. Одно только нехорошо — нѣмцы уже около Лермонтова. Иванъ Захарычъ говорилъ.

Аркадій Аверченко.

ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ.

Вотъ и солнышка не стало,
Небо въ тучахъ, скуденъ свѣтъ.
Осень темная настала,
Непогодъ краю нѣтъ.
Что тутъ дѣлать? чѣмъ заняться?
Изъ окошка ль наблюдать,
Какъ листья съ дубовъ валяются,
Или — Диккенса читать?
Но отъ чтенія слѣпнуть очи,
За окномъ же — злая тьма...
Дождь и дождь! съ утра до ночи!..
Дождь и дождь!..

Схожу съ ума!..

На душѣ растутъ мозоли...
Десять дней тому назадъ
Я не могъ читать безъ боли
Списковъ воинскихъ утратъ.
Прочитаешь, и довольно:
Сразу меркнетъ ясный день!
Сердцу — жутко, сердцу — больно,
Въ сердцѣ — ночи мертвой тѣнь!
Грудь тяжелой думой сжата;
И, мучительно скорбя,
Въ каждомъ падшемъ видишь — брата,
Въ каждомъ раненомъ — себя.
Нынѣ?.. Нынѣ, малодушно
Отдаваясь дрязгамъ дня,
Пропускаю равнодушно
То, что раньше жгло меня.
Нѣтъ и тѣни прежней боли,
Грудь стряхнула думы гнетъ:
На душѣ растутъ — мозоли,
Въ сердцѣ — ледь.

Щ.

Рис. В. Лебедева.

ТОЧНЫЙ ОТВѢТЪ.

Францъ-Иосифъ: — А что, генераль, большая у насъ въ арміи утечка людей?

Генераль: — Да, утекаютъ они сильно.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вильгельмъ-мучитель окружающихъ.

„Петроградскій Курьеръ“ сообщаетъ:

Несмотря на то, что главную квартиру императора стараются устраивать въ удобныхъ и спокойныхъ пунктахъ, вдали отъ грохота пушекъ и свѣта прожекторовъ, Вильгельмъ почти не смыкаетъ глазъ. По нѣсколько разъ въ ночь соскакиваетъ онъ съ постели и будитъ свою свиту, неожиданно появляясь передъ ней, какъ призракъ, закутаннымъ въ длинный плащъ.

Безсонныя ночи императора доставляютъ не мало огорченій и окружающимъ его, такъ какъ кайзеръ ищетъ утѣхи въ собственномъ краснорѣчьи. Свѣтъ приходится цѣлыя ночи напролетъ слушать, какъ онъ ораторствуетъ, принимая наполеоновскія позы.

Говорятъ, что нечеловѣческія мученія свиты уже обратили на себя вниманіе всѣхъ нейтральныхъ державъ. Дѣятельно собираются подписи подъ протестомъ противъ звѣрскаго обращенія со свитой.

Андроны ѣдутъ или — чортъ въ рукомойникѣ.

Заступающій мѣсто начальника австрійскаго генеральнаго штаба Геферъ сегодня прибѣгаетъ къ излюбленной системѣ оповѣщенія страны объ австрійскихъ побѣдахъ. Подражая реляціямъ о бояхъ, происходившихъ въ Галиціи въ августѣ, Геферъ торжественно возвѣщаетъ, что австрійцы побѣдоносно отходятъ назадъ, а русскіе въ паникѣ продвигаются впередъ (!).

Скоро, къ великому ужасу всей Россіи, разбитая русская армія въ паникѣ возьметъ Вѣну, а отдѣльные уничтоженные русскіе отряды, смертельно напуганные всѣмъ происходящимъ, заберутъ въ плѣнъ Францъ-Иосифа, на колѣняхъ умоляя австрійцевъ отдать Россіи Галицію.

Пѣснь торжествующей свиньи.

Oculus телеграфируетъ въ „Биржев. Вѣд.“:

Букарестская печать возмущена наглостью германскаго послан-

ника на похоронахъ короля Карла. Идя сзади бельгійскаго и французскаго посланниковъ, онъ демонстративно громко рассказывалъ объ успѣхахъ германской арміи при взятіи Антверпена.

Интересно, что расскажетъ эта торжествующая свинья черезъ мѣсяць? Не смѣнится ли побѣдоносное хрюканье болѣзненнымъ визгомъ?..

Они и мы.

Солдатъ пишетъ роднымъ:

— Наши казаки неистощимы въ своихъ выдумкахъ. На-дняхъ къ намъ, на передовыя позиціи, прискакалъ казакъ. Мы замѣтили, что къ хвосту его лошади привязанъ длинный шестъ, и спросили, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ.

Казакъ объяснилъ, что во время развѣдки наткнулся онъ на цѣлый взводъ нѣмецкихъ кавалеристовъ. Соскочивъ съ коня, онъ быстро срубилъ подгнившее тонкое дерево и обрубкомъ прикрѣпилъ ремнями къ хвосту лошади, послѣ чего пустилъ ее въ карьеръ. Шестъ, волочась сзади, поднималъ на дорогѣ страшную пыль. Непріятельскій развѣздъ по столбу пыли рѣшилъ, что навстрѣчу ему летитъ цѣлая сотня казаковъ. Нѣмцы перепугались и бросились на утекъ.

Какая разница между этой остроумной безобидной выдумкой и трусливымъ маскарадомъ нѣмецкихъ офицеровъ при помощи повязки Краснаго Креста!

Если положить на двѣ чашки вѣсовъ выдумку нѣмецкаго офицера и русскаго солдата, то безъ боязни можно сказать:

— Будущее за Россіей.

Шкура живого медвѣдя.

Нѣкій американецъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ, что въ концѣ августа онъ видѣлся съ германскимъ посломъ въ Вашингтонѣ, графомъ Бернсдорфомъ. На вопросъ, какія условія мира удовлетворяютъ Германію, если она побѣдитъ Францію, Бернсдорфъ указалъ слѣдующія: 1) Всѣ французскія колоніи, включая Алжиръ, Марокко и Тунисъ переходятъ къ Германіи. 2) Германія же получаетъ французскую территорию отъ ст. Валери, Соммъ и Амьена до Ліона, т. е. четверть всей Франціи съ 15 мил. жителей. 3) Конtribusi въ 10 милліардовъ франковъ. 4) Торговый договоръ, обезпечивающій беспошлинный ввозъ во Францію цѣлага ряда нѣмецкихъ товаровъ. 5) Франція лишается права осуществлять воинскую повинность въ теченіе 25 лѣтъ. 6) Всѣ французскія крѣпости должны быть срыты. 7) Франція сдаетъ Германіи 3 мил. ружей и 3000 пушекъ. 8) Германцы должны пользоваться во Франціи особымъ преимуществомъ въ области патентнаго права. 9) Франція выходитъ изъ состава тройственнаго согласія. 10) Франція заключаетъ союзный договоръ съ Германіей на 25 лѣтъ.

Графъ Бернсдорфъ далѣе добавилъ, что Францію надлежитъ низвести на степень Португаліи или Турціи, хотя бы для этого и пришлось убить 5 мил. французовъ.

Къ графу Бернсдорфу можно отнести одну вульгарную фразу, слышанную пишущимъ эти строки на воскресномъ базарѣ подъ Курскомъ:

— Умный ты человѣкъ, а дуракъ.

Гибель Лондона.

„Биржев. Вѣд.“ приводятъ отрывокъ письма одного берлинскаго нѣмца къ своей дочери, живущей въ Плимутѣ:

„Лондонъ, должно быть, теперь ужасенъ... Половина его пылаетъ, и надъ городомъ рыщутъ наши цеппелины. Подумать только: два года назадъ мы такъ весело проводили тамъ время, а теперь это — одни развалины и больше ничего. Горько, что война дѣлаетъ разрушеніе необходимою“...

Не то горько, что война ведетъ за собой разрушеніе, а то горько, что нѣмцы начинаютъ врать рано утромъ, въ полдень, въ сумерки и даже поздно ночью.

Трудолюбіе сего народа должно изумить всякаго пристальнаго чужестранца.

Двѣ руки.

Берлинская печать неприятно озадачена тѣмъ, что бельгійцы передъ тѣмъ, какъ очистить Гентъ, вывезли изъ города всѣ хранившіяся въ немъ художественныя сокровища, среди которыхъ находились безсмертныя картины Рубенса и Ванъ-Дейка.

Кромѣ того, берлинскія газеты въ рѣзкой формѣ выражаютъ свое негодованіе по поводу того, что бургомистръ Антверпена при врученіи ключей города отказался протянуть руку генералу Безелеру.

Это второе извѣстіе, вѣроятно, имѣетъ связь съ первымъ — относительно боязни бельгійцевъ быть ограбленными нѣмцами: бургомистръ, конечно, потому и не пожалъ руку нѣмецкому генералу, — что оный генераль на руку нечистъ...

Стихія.

Это такой красочный рассказъ, что по справедливости его нужно перенести съ непрочныхъ газетныхъ столбцовъ на болѣе живучія страницы нашего журнала:

Тарногрудскій врачъ, остававшійся въ Тарногрудѣ въ моментъ вступленія австрійцевъ въ этотъ городъ, рассказываетъ о стычкѣ казаковъ съ непріятелемъ, очевидцемъ которой ему пришлось быть.

Утромъ, — я никогда не забуду этого дня, — сообщили, что показалась австрійская конница. Казаки размѣстились ниже, лицомъ къ Сбручу. Все вдругъ затихло, точно замерло, площадь опустѣла, и

только иногда со стороны казаков доносилось крепкое ругательство. Прошло не болѣе часа, который намъ показался вѣчностью.

И вотъ, справа на площадь вѣхали австрійскіе драгуны. Бѣлые кители, бѣлые кепи.

То, что произошло въ слѣдующій моментъ, невозможно передать человѣческимъ языкомъ. Все — въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ ограды костела, мы слышали самое дыханіе лошадей. И вотъ, точно лопнула плотина, сорвался какой-то вихрь! Говорю вамъ, это не было человѣческимъ дѣйствіемъ, это была стихія. Со свистомъ и криками, которые буквально оглушали, казаки налетѣли на драгунъ. Тѣ пытались дать залпъ, но не успѣли. Я видѣлъ, какъ эти драгуны вылетали изъ сѣделъ вмѣстѣ съ пиками, пронзившими ихъ; другіе приподнимались на воздухъ и тутъ же ихъ рубили сабли, сверкавшія, какъ молніи. Самыя лошади врывались и вгрызались, какъ бѣшенныя, въ это страшное мѣсиво.

Я видѣлъ всадниковъ почти откинутыхъ назадъ, словно отъ удара въ грудь, которые какъ-то безпомощно и непроизводительно мотали передъ собой саблями. Свистъ, крики, топотъ и ржанье лошадей, чвакающий звукъ сабельныхъ ударовъ. Никто не могъ убѣжать, никто не спасся. Я никогда не повѣрилъ бы, если бы не видѣлъ собственными глазами.

Черезъ полчаса вся площадь передъ костеломъ превратилась въ сплошное, кровавое мѣсиво человѣческихъ тѣлъ. Что-то кошмарное, стихія пронеслась и смела всю жизнь; бѣлые кители сплошь въ крови. Мы находили людей изрубленныхъ, буквально, въ куски. На нѣкоторыхъ насчитывали до пятнадцати сабельныхъ ударовъ.

Смотрю, казаки сошли съ лошадей, сбились въ кучу, говорятъ. Дѣлаютъ свои „фунтики“ изъ бумаги, насыпаютъ махоркой, курятъ и цыкаютъ, — сплевываютъ сквозь зубы.

Вотъ, — точно ничего не произошло...

Никогда не забуду этого дня! Слова безсильны! Стихія, стихія!

Какой характерный штрихъ: изрубивъ нѣмцевъ въ котлеты, сейчасъ же стали свертывать папироски.

Поистинѣ — специалисты.

Утѣшаются.

За недостаткомъ текущихъ побѣдъ, „Швабскій Курьеръ“ напечаталъ жирнымъ шрифтомъ официальное сообщеніе 1870 г., въ которомъ говорится, что въ сраженіи между Мецомъ и Вогезами германскія войска взяли 173,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 20,000 раненыхъ и 4,000 офицеровъ вмѣстѣ съ маршаломъ Базеномъ.

Въ скоромъ времени будутъ опубликованы радостныя сообщенія о побѣдѣ надъ австрійцами при Садовой, а также — телеграмма о низверженіи Наполеона Бонапарта.

Простой выходъ изъ положенія.

Германскій военный губернаторъ Антверпена генераль Шуцъ оповѣстилъ населеніе, что всѣ бельгійскіе солдаты по возвращеніи будутъ объявлены военноплѣнными.

Стоитъ только теперь объявить всѣхъ французскихъ, англійскихъ и русскихъ солдатъ военноплѣнными — и побѣдоносная война будетъ Германіей закончена.

ВЕЧЕРНЕЕ.

1.

Осеннія мухи.

Въ гостиныхъ, гдѣ кашляютъ глухо старухи,
Гдѣ бродитъ осенній покинутый сонъ,
Тамъ быются о стекла остывшихъ оконъ
Осеннія мухи...
Унылые дни, какъ подачки, бросаютъ
Имъ, зябнущимъ, мертваго солнца куски...
Все меньше вокругъ неизжитой тоски
И... мухи кусаютъ...
Бросаясь къ объѣдкамъ на сѣромъ подносі
И падая къ пальмѣ въ подножные мхи,
Онѣ умираютъ... — Жизнь жертву приноситъ
Законамъ стихій...
Противно и липко, какъ гной золотухи,
Есть въ жизни сознанье, что завтра — «Не быть»,
Его-то спорая не могутъ забыть
Осеннія мухи...

2.

Передъ завѣсою.

Что можно сказать о будущемъ темномъ
Тѣхъ, чье «завтра» еще нерѣшенный вопросъ?...
Хорошо умирать молодымъ и бездомнымъ
Безъ раздумья и слезъ...
Но томиться осеннею, чахлой кончиною
Сознавая, что жизнь ужъ законченный кругъ,
Въ пестрой маскѣ гуляки, дрожать подъ личиною,
И кощунственной бранью скрывать свой испугъ...
Это — мелкая ставка... Мечта о миражѣ —
Банкъ сорвать за пустые гроши, —
Это жестъ... И не можетъ быть гаже
Этой ставки послѣдней изжитой души...
Что можно сказать о будущемъ темномъ
Тѣхъ, чье «завтра» еще нерѣшенный вопросъ?...
Вѣдь не будетъ обманомъ, не будетъ нескромнымъ
Бросить чашу расплесканныхъ слезъ!..

Сергѣй Михѣевъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

Петроградъ, Невскій, 98.

Дешевая юмористическая библіотека

Вышли и поступили въ продажу
слѣдующіе выпуски:

- № 1—12. Аркадій Аверченко.
- № 13. Тэффи.
- № 14. Ландау.
- № 15. Аркадій Аверченко.
- № 16. О'Л. Д'Орь.
- № 17. Аркадій Аверченко.
- № 18. К. Милль.

Цѣна выпуска 10 коп.

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

новая книга

(выпускъ Дешевой библіотеки):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О НѢМЦАХЪ и О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“...

Обложка работы РЕ-МИ.

Цѣна 10 коп.

Состоящій подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СКОБЕЛЕВСКІЙ Комитетъ,

открывая госпитали-санаторіи для леченія воиновъ, призванныхъ подъ знамена на защиту Родины, — призываетъ отзывчивыхъ русскихъ людей внести свою посильную лепту на пользу тѣхъ, кого такъ горячо любилъ незабвенный Михаилъ Дмитріевичъ СКОБЕЛЕВЪ и кто боготворилъ его.

Ни суммой, ни количествомъ жертвуемаго просятъ не стѣсняться, такъ какъ всякое пожертвованіе, какъ вещами, такъ и деньгами, будетъ принято съ благодарностью.

Лицъ, желающихъ помочь своимъ личнымъ трудомъ, просятъ пожаловать въ Канцелярію Комитета.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета, Петроградъ, Пески, Мытнинская ул. № 27.

РАДОСТНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

— Русскаго казака въ плѣнъ взяли, посподинъ полковникъ.

— Молодцы! Приведите его сюда.

— Да онъ... удралъ, господинъ полковникъ.

— Какъ же такъ эти подлецы конвойные не устерегли?! Подать ихъ сюда!

— Невозможно, господинъ полковникъ. Плѣнный ихъ... съ собой угналъ.

БЕЗПОЛЕЗНАЯ ДОБЫЧА.

Русскій солдатикъ, разсматривая германскую каску, съ сожалѣніемъ говоритъ:

— И котелокъ тебѣ тутъ есть, и птица есть, а никакъ этой птицы въ котелкѣ не оваришь...

В.

ПИСЬМО НѢМЕЦКАГО ЛЕЙТЕНАНТА.

Дорогой другъ!

Мы снова по приказанію кайзера перемѣнили планъ кампаніи.

Сначала, какъ извѣстно, мы вели войну наступательную; однако, чтобы успѣшнѣе разбить врага и завладѣть его землями, мы рѣшили перейти къ войнѣ оборонительной...

Теперь мы ведемъ войну гастрольную.

Каждое утро мы, вставъ со сна, думаемъ:

— Сегодня куда насъ пригласятъ на гастроль?

Недавно мы получили срочную телеграмму:

— «Бьютъ въ Австріи. Немедленно приѣзжайте».

Наскоро сложили мы свои вещи. Бзяли пушки, ружья, сухари и полетѣли въ Австрію.

Начали насъ тамъ бить, но не успѣли мы нахватать тамъ тумачковъ, какъ слѣдуетъ, а ужъ летитъ новая телеграмма:

— «Скорѣй спѣшите сюда. Бьютъ во Франціи».

Сложили мы пушки, ружья, цепелины, сухари, патроны и пули думъ-думъ — и помчались во Францію.

Не успѣли мы, однако, доѣхать до французскаго театра военныхъ дѣйствій, какъ снова получили телеграмму:

— «Бьютъ въ Августовскихъ лѣсахъ. Скачите сюда во весь духъ».

Теперь мы сидимъ на узловой станціи посрединѣ между Россіей и Франціей и ждемъ съ минуты на минуту извѣстій о томъ, гдѣ бьютъ наши войска и куда нужно скакать во весь опоръ.

По свѣдѣніямъ нашего генеральнаго штаба наши войска и войска нашихъ союзниковъ вездѣ проигрываютъ сраженія.

Мы было приуныли, но нашъ кайзеръ приказалъ каждое проигранное сраженіе не считать сраженіемъ, а только диверсіей...

Это насъ успокоило.

Въ послѣднее время мы произвели очень много «диверсій».

Была «диверсія» во Франціи. Была «диверсія» въ Россіи. Потерпѣли «диверсію» арміи генерала Клука, кронпринца и арміи другихъ полководцевъ.

Самая громадная «диверсія» была у нашихъ союзниковъ въ

Люблинской губерніи, въ Галиціи, подъ Львовомъ, у Яро-слава.

Австрійцы даже этого не скрываютъ... Австрійскіе генералы такъ и хвастаются:

— Мы вѣдь нарочно... Русскіе насъ бьютъ, а мы хохочемъ. Русскіе насъ гонятъ, гонятъ, а мы бѣжимъ безъ оглядки и хохочемъ. Вѣдь мы знаемъ, что это только диверсія... Бросаемъ пушки, цѣлые парки, обозы, а сами смѣемся. Вѣдь это только диверсія...

Недавно австрійцы въ своихъ газетахъ сдѣлали слѣдующее объявленіе:

«Ожидается въ скоромъ времени паденіе Перемышля. Когда это паденіе совершится, просить считать это диверсіей».

О нашихъ врагахъ писать нечего. Все ужъ извѣстно вамъ изъ газетъ.

Французы до того скверно дерутся, что и смотрѣть стыдно.

Мы и не смотримъ...

Чуть покажутся французскіе солдаты, какъ мы поворачиваемся къ нимъ спиной...

Они до того уже привыкли къ этому, что нѣкоторыхъ изъ нашихъ генераловъ узнаютъ по спинамъ.

Генерала Клука, на примѣръ, французы никогда въ лицо не видали. Съ самаго начала кампаніи этотъ благородный генералъ сталъ показывать французамъ спину.

Ни одинъ французъ не узналъ бы генерала Клука, если бы встрѣтилъ его лицомъ къ лицу.

Англичане дерутся еще хуже французовъ.

Намъ, истиннымъ воинамъ, общепризнаннымъ героямъ, непристойно даже сражаться съ такими дилетантами.

По возможности, мы избѣгаемъ съ ними встрѣчи. Когда англичане начинаютъ стрѣлять, мы уходимъ съ поля битвы.

Иногда даже уступаемъ имъ наши укрѣпленныя позиціи и уходимъ на новыя, чтобы только не вступать въ бой съ этими неискусными воинами.

Бельгійцы, какъ боевыя силы, совсѣмъ никуда не годятся.

Мы теперь съ презрѣніемъ оставляемъ ихъ страну и надѣемся скорѣй дойти до Берлина...

Прощай, дорогой другъ! На-дняхъ у меня созрѣла мысль пожить въ чужихъ странахъ, и я рѣшилъ для этой цѣли при первой возможности попасть въ плѣнъ.

Какъ думаешь, куда лучше попасть?

Во Франціи вино хорошее, а въ Англіи великолѣпны эль и хорошій ростбифъ.

Что по-твоему лучше: вино или эль съ ростбифомъ?

Дай мнѣ дружескій совѣтъ.

Перевелъ О. Л. Д'оръ.

Рис. Ре-ми.

КАЖДОМУ СВОЕ.

Варшава — это ключъ
ко всей Польшѣ.

Наполеонъ: — Понимаю, почему ты отступилъ отъ Варшавы: ты привыкъ имѣть дѣло только съ отмычками!

КОМЕТА.

Вчера надъ Парижемъ сіяла комета,
Была она лунно-зеленаго цвѣта,
Былъ хвостъ ея дерзкій колючъ и упрямъ
И несъ онъ сіянье далекимъ морямъ.
Она озаряла и доли и пашни,
Комета-прожекторъ на царственной башнѣ,
Дразнила и городъ она и луну,
То внизъ устремлялась, то вновь въ вышину.
И городъ, померкнувшій, ждалъ терпѣливо
Лучей ея яркихъ безшумнаго взрыва,
И нѣжно покорный въ мятежные дни,
Свои потушилъ передъ нею огни...
Въ тѣни его зданій неслышно тонули
Всю ночь ожидавшіе свѣта патрули,
И только сверкали, и то не всегда,
У легкихъ машинъ серебромъ обода.
И было такъ тихо, такъ ласково тихо,
Обычная стала забытой шумиха,
Кафэ обезлюдила горькая тьма
И тупо дремали слѣпые дома.
На узкой скамейкѣ, у церкви Сюльписъ,
Гдѣ вѣтви деревьевъ согласно сплелись,
Сидѣла одна межъ деревьевъ-колоннъ
Печальная дѣва веселыхъ временъ.
Зрачки ея глазъ напряженно глядѣли,
Холодные пальцы забыто висѣли,
Казалось безсмысленнымъ жить и ходить
И такъ нестерпимо хотѣлось курить...
И вдругъ, точно быстрое острое жало,
Вонзаясь куда-то, въ ночи прожужжало
И вспыхнулъ цвѣткомъ набѣгающій громъ,
И рухнулъ на дѣву разрушенный домъ.
Застыла комета, увидѣвъ кого-то,
И хлопнули гулко бичи пулемета,
По крышамъ запрыгали градины пуль,
И быстро помчался куда-то патруль.
И капля по каплѣ толпа прибывала
По темнымъ проулкамъ сѣдого квартала,
И стала смотрѣть, какъ ее увезли,
Ее, заплатившую счеты земли.
И снова все стихло, и только комета
Искала у темнаго неба отвѣта
И слала на землю свой свѣтлый потокъ,
Да ухнулъ на Сенъ моторный гудокъ.

Потемкинъ.

ЖУРНАЛИСТЪ ВЪ БѢДѢ.

Статью для толстаго журнала
Изготовлялъ присяжный публицистъ.
Но, исписавъ четырнадцатый листъ,
Нашелъ, что мало.
Въ богатствѣ русскомъ словъ и дѣлъ
Онъ вѣстникомъ Европы быть хотѣлъ
И въ мірѣ Божьемъ добывалъ по праву
Лихую славу.

Не мудрено,

Что мѣсяць — срокомъ для статьи дано.
Статья — къ концу, статья почти готова...
Но публицистъ ее тиранить снова:
То фактець свѣженькій повернетъ,
То такъ, то этакъ повернетъ;
Пыхтитъ, судьбу проклясть готовый,
Какъ — глядь! — извѣстій ворохъ новый,
И уголь зрѣнія приходится мѣнять,
Все взвѣшивать и снова начинать.
Охъ, не попасть съ событіями въ ногу,
Какъ за телѣгой не поспѣть безногу!
Такъ надъ статьей онъ бился
И, наконецъ, — уже не торопился.

Смыслъ басни сей ужасенъ и жестокъ:
Событій нынѣшнихъ потокъ
Недѣлю — годомъ сосчитать заставить...
А публицистъ?

Онъ корректуру править.

А. С. Гринъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Во всякой войнѣ не безъ дефектовъ въ тылу.

Напримѣръ: хотя интендантское дѣло въ настоящую войну, по отзывамъ, и налажено, но „Петроградская Газета“, пользуясь суматохой военного времени, острить слѣдующимъ, крайне невразумительнымъ образомъ:

— Вы знакомы съ опереточной пѣвицей Иксъ?

— Мало. Встрѣчалъ раза два..

— Я ее знаю, сказалъ третій изъ компани, я ей дѣлалъ зубъ. Она въ восторгъ отъ моей работы.

Гдѣ тутъ зарыта собака? И зарыта ли, вообще, собака? Въ чемъ дѣло? При чемъ зубъ? При чемъ: „она въ восторгъ отъ его работы“? Почему опереточная пѣвица?

Такія остроты нужно немедленно по полученіи эвакуировать въ близстоящую корзину.

*

Въ той же газетѣ Петроградскій Обзорѣватель сообщаетъ самое свѣжее извѣстіе о существованіи швейцарскаго флота:

Швейцарцы говорили мнѣ, что мобилизація флота имъ стоитъ ежедневно два милліона франковъ.

Швейцарцамъ? Флотъ?! Ежедневно?! Два милліона? Швейцарцы ему говорили?!!

Врали ему швейцарцы, вотъ что.

А онъ вѣрить, чудакъ, разному вздору.

*

Рядомъ — Петроградскій Обзорѣватель печатаетъ свѣдѣніе, которое заставляетъ опасаться: не подѣйствовали ли переживаемыя событія на психику Петроградскаго Обзорѣвателя:

Въ настоящее время швейцарцы кормятся исключительно русскими, которыхъ тамъ осталось еще около 10 тысячъ.

Когда эти 10 тысячъ будутъ съѣдены — наступитъ голодная смерть швейцарцевъ, включая и ихъ могучій флотъ.

Спасшійся Петроградскій Обзорѣватель найденъ, вѣроятно, алчными швейцарцами несъѣдобнымъ.

*

Вообще прошедшая недѣля — недѣля курьезнѣйшихъ опечатокъ.

Вечерн. „Биржев. Вѣд.“ сообщаютъ пикантное свѣдѣніе изъ жизни матери какого-то персидскаго принца, которая — якобы воспитывается въ пажескомъ корпусѣ, по окончаніи котораго собирается поступить въ кавалерійскій полкъ.

*

Отъ вечерн. „Биржев.“ не захотѣло отстать конкурирующее съ ними „Вечернее Время“. Напечатавъ портретъ симпатичнаго старца съ длинной сѣдой бородой, „Веч. Время“ сообщаетъ, что этотъ старикъ — г-жа Летъенъ, у которой семь сыновей воюютъ во Франціи съ нѣмцами. Сѣдая борода, вѣроятно, по мнѣнію „Веч. Вр.“ должна символизировать всѣ тѣ огорченія, которыя мужественная мать имѣетъ отъ нѣмцевъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

И. Болтину. —

Коль водки нѣтъ (таковъ законъ!),

Тогда я пью одеколонъ...

Одеколону, вѣроятно, хватить надолго, но васъ — едва ли.

До тѣхъ поръ, пока вы будете думать, что одеколонъ — внутреннее, въ редакцію заходить не нужно.

Бризантной гранатъ: Бываютъ случаи, когда человѣкъ такъ сосрится, что окружающіе только задумчиво оглядятъ его и поспѣшатъ отойти, якобы по своимъ дѣламъ.

Напримѣръ острота № 7:

— Что такое нѣмецкій фугасъ?

— А это такое, что, когда его зажигали, такъ онъ все — фу,гасъ!

Будете вы на томъ свѣтѣ лизать горячую сковородку за такія остроты...

Гатчинская, 7. А какіе-то развеселые молодые люди подъ общимъ хорошо, ихъ рекомендуя, псевдонимомъ; „Саня-налей и Саня-выпей“ — острять по тому же поводу еще хуже:

— Папа, почему фугасы называются фугасами?

— Потому что, когда они взрываются, всѣ затыкаютъ носъ и говорятъ: „Фу! газы!“

Дорогіе Сани! Часто вы будете слышать въ своей жизни: „Саня, налей“, „Саня, выпей“... Но никогда никто не скажетъ вамъ: „Саня, пиши“.

Усачевъ пер. И. Нюс. — Не подошло.

Москва.

Переяславск. у., № 60. М. З. По почтѣ на подобные запросы мы не отвѣчаемъ, а ваше credo напечатать можемъ:

Я слагаю рѣчи со вкусомъ,

Знаю гладить кого какъ,

Для кого перо возьму лишь въ руки,

Тотъ очутится въ слезахъ.

Подобные стихи ни при какихъ обстоятельствахъ намъ не понадобятся. Разойдемся, пока не поздно.

Б. Провинція.

Смоленскъ — Акулинычу. —

И вотъ ужъ мой забреютъ лобъ,

На войну я шель чтобъ.

Такой талантливый лобъ забрить — не преступленіе ли это?

Если вамъ когда-нибудь поставятъ за стихи памятникъ, то мѣди пойдетъ меньше, чѣмъ для другихъ поэтовъ: лобъ уже готовъ.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 21. Тел. 477-35, 29-65, и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЕРІЯ ВОЕННЫХЪ

І СЕРІЯ
(6 шт.)

Юмористическихъ художественныхъ открытыхъ писемъ

І СЕРІЯ
(6 шт.)

издательства „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Рисунки художниковъ: И. Билибина, Миссъ, А. Радакова и Ре-Ми.

Цѣна серіи 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Суммы до 10 рублей можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

2-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

2-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 98. Телефонъ № 59-07.

1) Лютеръ: — Нѣтъ, какой ужъ онъ проповѣдникъ! По всему видно, что онъ дипломатъ. Онъ такъ перевираетъ тексты, такъ искажаетъ истину!

2) Талейранъ: — Нѣтъ, онъ плохой дипломатъ. У него, что на умѣ, то и на языкѣ. Къ тому же слишкомъ много фантази. О, конечно, онъ скорѣе — писатель...

3) Шекспиръ: — О, какой ужасъ — этотъ его „Сарданалъ“! Только и хороши одни костюмы. Нѣтъ, конечно, онъ не писатель, а художникъ! Это ясно какъ день...

4) Рафаэль: — О, нѣтъ, онъ не художникъ! Конечно, онъ прежде всего воинъ. Такъ искалчивать людей въ мирное время, какъ онъ искалчивъ ихъ на своей „Желтой опасности“, можетъ только воинъ!

5) Марсъ: — О, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Какой же онъ честный воинъ?! Такъ разрушать, обирать, обманывать мучить жителей можетъ только самый страшный разбойникъ!

6) Разбойникъ: — Нѣтъ, дружище, хотя ты мнѣ и нравишься, но все-таки я не могу тебя взять въ свою компанію. Видишь ли, я рискую своей головой, а ты — только головой другихъ. Я попаду въ тюрьму, а ты въ исторію!